

сельской общины, замедлявшей процесс перехода к развитым формам рабовладельческого строя, имели место в Армении, то все исследования А. Б. Рановича с полной убедительностью показали, что та же особенность характеризует и общественный строй Египта и государства Селевкидов, принадлежность которых к эллинистическому миру никогда и никем не оспаривалась.

Между тем, раскрывая сущность эллинизма как этапа социально-экономического развития рабовладельческого общества, в применении к Армении К. В. Тревер склонна рассматривать эллинизм не как комплекс явлений экономической и общественной жизни, а как явление культурно-историческое. Она отрицает возможность применить термин «эллинизм» к Армении и ее культуре на том основании, что «древнеармянская культура, обогащенная эллинистическими культурными традициями (разрядка моя. — А. Б.)... носит с а м о б ы т н ы й характер, сохраняя местные черты... обусловленные особенностями развития армянского народа, и по уровню своих достижений не уступает культуре соседних эллинистических государств».

Что касается последнего тезиса, то он звучит достаточно голословно уже потому, что в труде К. В. Тревер рассмотрены лишь памятники культуры господствующих слоев населения Армении, отражающие греческое влияние, и совершенно не дающие представления о достижениях самобытной народной армянской культуры того времени.

А. Болтунова

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, *Восточнославянские племена*, изд. 2-е, переработанное и расширенное, М., Изд-во АН СССР, 1953; 312 стр., цена 7 р. 70 к.

Раскрыть древнейшую историю восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов — задача интересная и важная. Без этого нельзя изучить историю создания древнерусского государства, ко времени возникновения которого славяне прошли уже большой и сложный путь. Без этого нельзя понять историю европейского средневековья, в которой славяне играли видную роль. Поэтому надо приветствовать выход в свет вторым изданием книги П. Н. Третьякова, дающей обобщенную историю восточного славянства с древнейших времен до образования в IX в. древнерусского феодального государства.

По сравнению с ее первым изданием, вышедшим в 1948 г., книга подверглась значительной переработке. Исправлены ошибки, вызванные некритическим использованием, так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра. В книге широко обобщены достижения советской археологии.

Свой труд П. Н. Третьяков начинает с историографического очерка, где подвергает острой критике концепции дворянско-буржуазной историографии по вопросу о происхождении славян, вскрывая их несостоятельность. Он показывает также, что господствовавшее среди дворянско-буржуазных историков представление о славянах как о поздних пришельцах в нашей стране идейно связано с «норманской теорией» происхождения русского государства. «Норманисты», фальсифицируя историю, «всячески стремились принизить историческую роль славянских народов и пытались утверждать, что славяне по своей природе неспособны к самостоятельному развитию и творчеству. С этой же целью они пытались „отнять“ у славян их родину» (стр. 10).

Историографический очерк был бы более убедительным, если бы история изучения древнейших судеб славянства была рассмотрена в тесной связи с общим развитием русской исторической науки, с борьбой в ней школ и направлений, связанной с классовой и политической борьбой в стране. Изучение истории славянства следовало связать с историей «славянского вопроса» в России, игравшего большую роль в общественно-политической жизни и определявшего политическую остроту различных концепций происхождения и развития славян. Тогда бы ярче прозвучало в книге и выступление

революционных демократов, взгляды которых (так же как взгляды М. В. Ломоносова) рассматриваются П. Н. Третьяковым после изложения теории Венелина, Геденова, Самоковсова, Забелина, Шахматова, т. е. вне исторической перспективы. Правильно подчеркивая реакционную сущность норманизма, П. Н. Третьяков недостаточно показывает реакционное содержание взглядов ряда «антинорманистов» (например, того же Д. И. Иловайского).

Вопрос о происхождении славян ставится в первой части книги. Автор прослеживает этническую историю Восточной и Средней Европы с IV—III тысячелетия до н. э. и до начала I тысячелетия нашей эры, рассматривая формирование и развитие славянских племен с древнейшей протославянской (или балтославянской) группы племен, которая известна с конца III тысячелетия до н. э. в бассейне Вислы, на Волыни и на Среднем Днепре (стр. 35). Автор детально рассматривает историю раннеславянских племен в I тысячелетии до н. э. и рисует этническую карту Средней и Восточной Европы в начале н. э. Особенно ценно изучение истории славянских племен в тесной связи с развитием способа производства. Поскольку некоторые вопросы, поднятые автором, изучены еще слабо, при чтении его книги возникает ряд неясностей. Прежде всего требует уточнения терминология: «протославянские» племена (стр. 37), «раннеславянские» племена (стр. 45), «славянские» племена (стр. 97). При всей условности этих терминов, необходимо четко себе представлять, какую стадию этнической истории каждый из них отражает. Процесс развития восточнославянских племен требует периодизации, материал для которой в книге П. Н. Третьякова приведен, но которая четко и последовательно не дана. Поэтому отдельные утверждения в книге вызывают недоумения. Так, на стр. 42 автор говорит, что в I тысячелетии до н. э. «возникло несоответствие между первобытно-общинными производственными отношениями и характером производительных сил. Все это привело к разрушению первобытно-общинных порядков» (см. также стр. 100—101). Конечно, речь может идти только о начавшемся несоответствии между производственными отношениями и характером производительных сил, в результате которого лишь началось разложение первобытно-общинного строя, еще не приведшее к разрушению первобытно-общинных порядков.

Вторую часть книги П. Н. Третьяков посвящает истории славянства в период «великого переселения народов» и балканских войн (II—VII вв.). Автор совершенно правильно ставит вопрос о том, что такие крупнейшие события всемирно-исторического значения, как вековая борьба европейских племен с рабовладельческими государствами, грандиозные переселения, распад Римской империи, крушение рабовладельческого строя на Западе и Востоке, возникновение первых «варварских государств», — все это должно было оказать самое решительное влияние на характер и темпы славянского этногенеза. Постепенно определяется этническая карта восточного славянства (стр. 142—143). Интересны соображения П. Н. Третьякова, о том, что изоляция славянских племен Поднепровья и Прикарпатья, в связи с вторжениями готов и гуннов, привела не к упадку, а к расцвету экономической и культурной жизни славян, ибо Рим выкачивал из соседних племен огромные богатства. Тем самым наносится удар буржуазной историографии с ее утверждением о благотворном влиянии Рима на соседние племена, утверждением, которое является апологетикой колониальной экспансии, перенесенной в далекое прошлое (стр. 148—149).

Большое внимание П. Н. Третьяков уделяет характеристике социально-экономического, политического строя и культуры антов и склавинов. Автор исходит при этом из позиций, прочно уже завоеванных в советской историографии, рассматривающей древнерусское государство IX в. не в качестве начала исторической жизни славянства, а как итог длительного, пройденного им исторического пути. Он совершенно правильно доказывает, что антское время представляет собой важнейший период в истории восточного славянства, время зарождения у него классового общества и зачатков государственности (стр. 153—156). Этот тезис раскрывается путем умелого использования данных археологии в сочетании с показаниями письменных источников. На конкретном материале еще раз наглядно демонстрируется беспочвенность норманской теории происхождения древнерусского государства. Наконец, П. Н. Третьяков показывает актив-

ное участие антов в крупнейших исторических событиях положивших рубеж между рабовладельческим и феодальным строем на юго-востоке Европы. Славянские племена, в частности восточные славяне, ускорили процесс социально-экономического переустройства Византийской империи, последнего оплота рабовладельческого мира в Европе. Сельская община, принесенная славянами, сыграла важную роль в формировании феодализма в Византии. Благодаря славянам улучшилось экономическое положение империи и возросла ее военная мощь (стр. 201). П. Н. Третьяков с полным основанием подчеркивает, что без учета всех этих явлений нельзя правильно понять последующую историю русско-византийских взаимоотношений.

Некоторые положения, высказанные П. Н. Третьяковым в этой части его книги, требуют дальнейшего изучения. Так, заслуживает большего внимания вопрос о поземельных порядках в славянской соседской общине, несколько бегло затронутый в книге. Автор ссылается на очень интересный памятник — византийский земельный закон VIII в. и совершенно правильно ставит вопрос о необходимости сопоставления содержащихся в нем норм с нормами, характерными для древнерусской верви. Правильно также подчеркивается характерный для каждой соседской общины дуализм, или борьба общинного и частного начала, в области собственности (стр. 177—178). Но богатое содержание земельного закона в книге осталось нераскрытым. А между тем было бы очень интересно имеющиеся в нем данные сопоставить не только с Русской правдой, в некоторых своих разделах (как это доказал Б. Д. Греков) отражающей очень древние порядки (VII—VIII вв.), но и с последующим русским актовым материалом, в котором также сохранились архаичные нормы, типичные для соседской общины. Достаточно сказать, что некоторые постановления Судебника 1589 г., относящиеся к черным крестьянским землям, воспроизводят поземельные отношения, сложившиеся в очень раннее время.

Очень бегло автор касается вопроса и о дани как первичной форме эксплуатации. Не приводя никаких конкретных данных, он пишет: «Обложение данью не только иноплеменников, но и членов своего племени, как и охарактеризованное выше рабовладение, являлось ярким признаком того, что первобытно-общинный строй у антов и славянов уже достиг своего предела и что у них складывалось первичное деление общества на классы...» (стр. 176). Этого общего утверждения, конечно, далеко не достаточно, особенно если вспомнить, что в советской литературе имеется ряд противоречивых высказываний о характере дани в древней Руси, о ее роли и удельном весе в системе эксплуатации, о ее значении в истории тех народов, которые пришли к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, о ее «перерастании» в феодальную ренту и т. д.

Очень интересны соображения автора о городах антского времени. П. Н. Третьяков пишет, что в середине I тысячелетия у славянских племен не было городов типа Фессалоник и Херсонеса, «но, судя по археологическим данным, более скромные городские поселения — города-торжища, центры сосредоточения ремесла и торговли, в антскую эпоху уже начали зарождаться» (стр. 170—171). Наблюдение само по себе очень ценное, но характер антского города как социально-экономического явления остался нераскрытым, ибо дело, конечно, не в степени «скромности» города, а в той стадии общественного разделения труда и товарного производства, которая характеризует уровень его развития. Поскольку и образование древнерусского государства и дальнейший переход к феодальной раздробленности нельзя рассматривать вне истории древнерусских городов, очевидно, необходимо раскрыть специфические черты города антского периода, отличающие его от последующего времени.

В третьей части книги П. Н. Третьяков рассматривает историю восточнославянских племен в VII—IX вв., накануне возникновения древнерусского государства. VII—IX столетия автор справедливо рассматривает как новую эпоху в истории славян — время зарождения у них феодальных отношений и возникновения первых славянских государств на Балканах, в Прикарпатье, на Среднем Днепре, в Центральной Европе (стр. 205). Большую научную ценность представляет внимательное и вдумчивое изучение этногеографии Повести временных лет с привлечением богатого археологического материала. Автор убедительно доказывает, что многие из объединений, которые

уюминает Повесть временных лет, в действительности являются не «племенами», а территориальными образованиями, вновь возникшими вследствие распада у восточных славян первобытно-общинного строя (стр. 221—222). Некоторые из летописных «племен» прослеживаются по археологическим данным начиная с IV—V и даже с III—IV вв. Но во второй половине первого тысячелетия и у этих объединений, восходящих к давним временам, родоплеменные связи теряли свою реальность в области производства, заменяясь связями территориальными. Таким образом, и в данном случае нельзя говорить о первобытных племенах или федерациях родственных племен (стр. 227—228).

Рассмотрение социально-экономического строя восточных славян в VII—IX вв. автор проводит в плане разоблачения трех ложных тезисов, защищавшихся буржуазной историографией: о полной однородности жизни и культуры всех славян, о том, что восточные славяне находились в состоянии постоянного движения и переселения, об отсталости и примитивности культуры восточнославянских племен (стр. 261—263). Приводимый П. Н. Третьяковым опровергает материал эти утверждения. Жизнь славян выступает богатой и разнообразной. Автор показывает, что в VII—IX вв. восточные славяне достигли высокого уровня производительных сил. Развитие пашенного земледелия, рост ремесла, сосредоточение его в городах, возникновение товарного производства и увеличение обмена послужили основой изменений в области производственных отношений, которые уже не соответствовали характеру выросших производительных сил (стр. 280). На материале археологии, с привлечением данных письменных источников, автор прослеживает становление у восточного славянства феодальных отношений и заканчивает свою книгу характеристикой древнейших восточнославянских государств.

В третьей части книги П. Н. Третьякова ярко выступают достижения советских археологов и историков в изучении процесса становления на Руси феодального способа производства.

Не все в утверждениях автора одинаково убедительно. Рассматривая этногеографию Повести временных лет, автор указывает, что «по отношению к кривичам, вятичам, словенам, дреговичам, дреговичам и т. д. было бы правильно применять не термин „племена“ который, кстати сказать, летописью и не употребляется, а называть их „небольшими народностями“ или „народцами“. Таковыми они действительно и являлись — примитивными народностями или народцами, формирующимися на основе теряющих свою древнюю структуру мощных восточнославянских племенных конфедераций» (стр. 228). Во-первых, проблема формирования этих «народцев», объединенных внутри общностью территории, традициями родоплеменных связей, культурными особенностями и, несомненно, языком (стр. 227), оторвана от большой проблемы складывания древнерусской народности. Ее автор не ставит, а она неотделима от вопроса образования древнерусского государства. Во-вторых, непонятно, что дает для понимания вопроса о формировании этнической и исторической общности русского народа вводимое автором новое понятие «народец», или «примитивная народность», наряду с общепринятыми в науке понятиями: «род» — «племя» — «народность» — «нация».

Неясной остается проблема развития города. Автор говорит о возникновении городов в VII—VIII вв. (стр. 272), забывая, что в книге уже говорилось о городах для антского времени. Самая характеристика города VII—VIII вв. как «места постоянного торжища или ярмарки, куда приезжали с товарами купцы, в том числе и иноземные, и где поселялись ремесленники, отделившиеся от сельских общин и заинтересованные в реализации своей продукции» (стр. 272), по существу ничем не отличается от той характеристики, которую П. Н. Третьяков дает антскому городу.

Автор высказывает очень интересные соображения по вопросу об установившейся в советской историографии (после работ Б. Д. Грекова) периодизации процесса возникновения феодальных отношений на Руси. Б. Д. Греков предлагал трактовать время VI—VIII вв. в истории восточного славянства, как переходный период от родового строя (на последней стадии его развития) к классовому феодальному обществу, а время с IX в. — как раннефеодальный период русской истории П. Н. Третьяков вносит

поправку в эту концепцию, считая, что VI в. и более раннее время, когда государство у восточных славян еще не сложилось, следует отделить «от периода VII—начала IX в., когда в разных частях славянской земли уже возникли первые государственные образования — феодальная надстройка, помогавшая укрепиться формирующемуся феодальному классу» (стр. 282). Это очень интересная мысль, логическим выводом из которой следует, что с VII в. уже можно говорить о раннефеодальном периоде на Руси. К этому выводу ведет все изложение автора. Например, на стр. 303 он пишет: «Нельзя рассматривать период исторической жизни восточных славян, предшествующий сложению Древнерусского государства, лишь как период разложения первобытно-общинного строя. Время VII—IX вв., когда у полян, древлян, словен новгородских и других племен были свои „княжения“, когда на юго-западе восточно-славянских племен существовала могучая Валиана, царь которой носил имя Маджак, а на юго-востоке — Русский каганат, направлявший своих послов к византийскому императору Феофану, а свои войска на Амастриду и Сурож, являлось периодом далеко не первобытно-общинного строя, а временем раннего средневековья, когда в славянской среде существовали в основных чертах такие же порядки, какие изображает „Салическая правда“ у франков в период Меровингов». Однако автор избегает четкой характеристики восточнославянских государств VII—VIII вв. как раннефеодальных. Он пользуется для них самыми разнообразными терминами: «организации примитивно-государственного характера», «полупатриархальные — полуфеодальные политические объединения», «племенные княжения» (два последних определения П. Н. Третьяков берет в кавычки, не раскрывая смысла этих кавычек) (стр. 299). Впечатление нечеткости оставляет и заключительная фраза ко всей книге: «„Государственность у восточных славян в тот период, когда их общественные отношения еще не перестали быть „полупатриархальными — полуфеодальными“, или дофеодальными, была феодальной, пусть раннефеодальной, но все же именно феодальной государственностью — органом господства формирующегося феодального класса над закрепощаемым им крестьянством» (стр. 305). Здесь приведены вместе все термины, которые существуют в литературе для определения рассматриваемого периода в истории Руси, и именно вследствие этого мысль П. Н. Третьякова, что государственность у восточных славян VII—VIII вв. была феодальной, скрадывается, а может получиться и такое впечатление, что государство было феодальным, а общественный строй (базис) дофеодальным. Очевидно, в вопросах периодизации нужна большая ясность.

К сожалению, в книге П. Н. Третьякова не сделано попытки дать объяснение вопросу о том, почему славяне перешли от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Автор ограничился цитированием высказывания Б. Д. Грекова о крепости славянской общины (стр. 292), которое, конечно, не дает ответа на этот большой и сложный вопрос.

Книга П. Н. Третьякова является обобщающим трудом по древнейшей истории восточного славянства, и в этом смысле она отражает высокий уровень, которого достигла советская наука. В книге творчески и смело ставятся новые большие проблемы. Книга заострена против чуждых советской науке концепций, она разоблачает фальсификации исторического прошлого русского народа. Написанная ясно и просто, и в то же время строго-научно, книга П. Н. Третьякова принесет большую пользу широким кругам советских читателей.

Проф. Л. В. Черепнин

Хрестоматия по истории древнего мира, т. III. Рим. Под редакцией акад. В. В. Струве. Составители проф. Н. А. Машкин и Е. С. Голубцова, М., 1953; 275 стр., тираж 50000 экз., цена 6 руб.

Новое издание третьего тома «Хрестоматии...», посвященного истории Рима, отличается от старого и по построению самих глав и по подбору источников. С выходом